
Н. К. СЮНДЮКОВ

Н. А. БЕРДЯЕВ. В ПОИСКАХ СМЫСЛА ГОСУДАРСТВА

Николай Александрович Бердяев – мыслитель неординарный, порывистый, внесистемный. Динамичность, многозвучность его мысли рождает самые неоднозначные отголоски. Тем интереснее рассмотреть его осмысление многослойной идеи государства, в корне своей несущей противоречие между человеческим благом и властью необходимости.

Цель статьи – попытка реконструкции социальной мысли Н. А. Бердяева и дальнейшая ее систематизация. Фокусируясь на противоречиях, высказанных в трудах различных лет, аккумулируя взгляды философа раннего и позднего периодов, мы попытаемся воссоздать общие принципы мировоззрения Бердяева, независимые от волнений тяжелых революционных и военных лет. Исходя из них, постараемся сформулировать отношение Бердяева к правде государства.

Ключевые слова: *метафизика, свобода, космос, хаос, творчество, власть, народ, государство.*

Nikolay Aleksandrovich Berdyaev was an extraordinary, impulsive, and non-systematic thinker. His dynamic and polyphonic mind generates the most controversial ideas. Thus, it is interesting to examine his understanding of such multi-layered phenomenon as state, at the very root of which lies the contradiction between the human good and the power of the necessity.

Thus, the main goal of this article is to reconstruct and systemize Berdyaev's social thinking. By focusing on the contradictions, by accumulating philosopher's early and late ideas, the author reconstructs the basic principles of Berdyaev's ideology independent of the worries of the hard revolution and war times. Basing on them, we will try to formulate the attitude of Berdyaev to the truth of the state.

Keywords: *metaphysics, freedom, space, chaos, creativity, power, nation, state.*

Государство есть следствие и реакция на первородный грех, но оно же – последняя защита человечества, скрепы, сдерживающие греховный хаос [Бердяев 1990: 84].

Лев Шестов говорил о Николае Александровиче Бердяеве (1874–1948) как о выдающемся представителе русской философии
Философия и общество, № 1 2017 121–139

[Шестов 1995: 411–436]: «В лице Н. Бердяева русская философская мысль впервые предстала пред судом Европы или, пожалуй, даже всего мира». Долгое время его не признавали на родине, но очень быстро признали в эмиграции. В Советской России он – вольнодумец, диссидент, человек, которого при появлении на границе приказано расстрелять. За рубежом Бердяев – семикратный номинант на Нобелевскую премию по литературе и почетный доктор теологии Кембриджского университета. Но, несмотря на ярлыки, Бердяев прежде всего русский религиозный философ с чисто русским складом характера. Всю жизнь он провел в мыслях о судьбе России, о смысле ее истории.

Н. А. Бердяев – истерическая натура, состоящая из противоречий. В одной квартире он сожительствовал с двумя женщинами и при этом не признавал идею семьи. По природе замкнутый человек, он всю жизнь стремился к обществу, жаждал признания. Не будучи нетерпимым, он все же признавал за собой барские замашки. Бердяев отказывался верить в компромиссы – только в крайности, освещенные Божественным светом. Безусловно, это сказывается и на стиле его философствования. Категорично и резко он высказывает мысли, не торопясь дать им логическое обоснование. Но, несмотря на крайнюю непоследовательность, его философия при тщательном рассмотрении имеет свою структуру, хорошо воспринимаемую на интуитивном уровне. Ключевые мысли он воспроизводит во всех своих трудах, повторяя их как мантру.

В рамках данной статьи мы постараемся разобраться в идеях философа о государственном устройстве. Одолеваемый противоречиями, вызванными русской историей и собственным характером, Н. А. Бердяев все же разработал оригинальную, хотя и не до конца устойчивую, систему взглядов. Центральным в этом «социальном» срезе его философии стал труд «Философия неравенства». Уже в одном названии мы видим резкое, хлесткое заявление. Бердяев рассказывает о феномене, с которым человечество неустанно борется уже несколько столетий. Более того, он проповедует его, доказывает «истинность» неравенства. На самом деле содержанию книги больше соответствует название «Философия иерархии». Надеюсь, это станет очевидно в дальнейшем.

Одного труда, тем более раннего и во многом тенденциозного, для такой масштабной темы не хватит. Вспомогательным инструментом послужат все книги философа, в которых так или иначе упоминаются государственные идеи. Основные среди них – «Истоки русского коммунизма», «Философия свободы» и «Новое религиозное сознание и общественность».

В условиях сменяющих друг друга экономико-политических кризисов, значительно влияющих на ткань общественной жизни, полезно освежать сознание чем-то отвлеченным, не ограничивающимся прагматическим, сиюминутным значением. Полезно ненадолго отпустить актуальность и обратить взгляд на вневременное, «разлиться мыслию по древу». И тогда суетливая мысль сама собой встанет в стройный ряд истин. Такое обновление сознания способна дать метафизика как искусство чистого, идеального рассуждения. Метафизика же Бердяева замечательна тем, что она способна быть конкретно выраженной в земных понятиях. Это не отвлеченная мысль о звездном небе, несопоставимая с реальностью, но живое, плодотворное суждение. Так, из метафизики Бердяева напрямую вытекает его видение государства как вечного, божественно оправданного смысла. Идеи Бердяева дадут понимание не того, каким должно быть государство, а прежде всего позволят ответить на вопрос, зачем оно есть.

Диалектическая метафизика Бердяева

Н. А. Бердяев отрицал «кабинетную философию», все абстрактное, неживое. «Творческая жизнь никогда не может быть отвлеченной; она неразрывно связана с жизнью; она жизнью определяется», – так характеризовал в этой связи П. Ставров [2003] философию Бердяева. Его метафизика – не отвлеченное моделирование мира, но честное рассуждение мыслителя, увязанное с «сермяжной правдой», на которую так богата российская ментальность.

В явлениях Бердяев склонен искать прежде всего онтологическую составляющую. В каждом политическом течении, в каждом общественном институте, во всем *свершившемся* он видит Божий промысел, зерно истины. И в поиске, в совершении и завершении

этой истины – смысл человеческой жизни. Этим занималась интеллигенция, размышляя над «проклятыми вопросами» российской истории. Отчасти от этих поисков света зажглись огни революции, не принеся, впрочем, с собой ничего, кроме еще большей темноты. Ведь реалии земной, греховной жизни преломляют Божью истину. То, что кажется честным и красивым, заливается кровью.

Трагедию несоответствия замысла и его реализации Бердяев переживает особенно остро, воспринимая ее на всех уровнях – от Божественного до личного. Мир живет не по Богу, но и сам человек живет не «по-человечески»: слишком часто мы оказывались не способны согласовывать наши идеалы, мысли с нашими же действиями. Произошел противоестественный коллапс, отчуждающий человека от результатов его деятельности, причем прежде всего в метафизическом, а не в социально-марксистском смысле. И потому философ отказывает себе в моральном праве оперировать отношениями разделенных субъекта и объекта. Он растворяет их в идеях хаоса, космоса, греха, свободы, творчества (см. рис.).

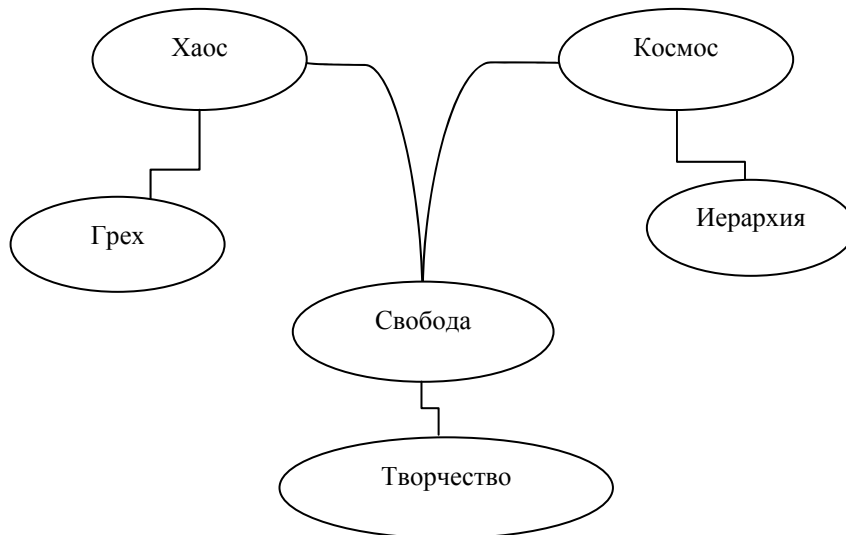

Рис. Схематичное изображение метафизики Бердяева

«Переход хаоса к космосу есть возникновение неравенства бытия в равенстве небытия», – пишет философ [Бердяев 2009]. Это очень глубокая мысль, через которую просвечивает все мировоззрение Бердяева, это альфа и омега его философии. Рассмотрим подробнее данное положение.

Космос – это порядок. Хаос – не-порядок. Космос и хаос противоположны. Хаос – начало начал, ничто либо же все, растворенное в нескончаемости. Главный принцип хаоса – отсутствие любых мыслимых ограничений. Раз нет границ, нет меры, то не может быть и сетки координат, цепляющейся за некие основания, значения. Не могут, следовательно, родиться и идея, и мысль, и суждение. Почва равенства неплодородна. Нет признаков, индикаторов, на основе которых могло бы возникнуть неравенство. Каждый элемент хаоса равнозначен каждому. Они равномерно (и в то же время безмерно) распределены по полотну бесконечности. А такая безразличность сводима к нулю, к небытию. Равенство и небытие, таким образом, – первейшие спутники хаоса.

Что же происходит при переходе от хаоса к космосу? Между элементами возникает отношение, они выстраиваются в иерархию, в порядок. Элементы распределяются по различным позициям, и так возникает неравенство*. Рождается бытие, так как даны условия, где нечто может существовать и не редуцироваться при этом к нулю. Теперь речь идет не об элементах, а об *идеях*, способных выделять себя среди прочих.

Мы определили, что хаос есть прежде всего безразмерность, небытие, а космос – иерархия. Теперь вспомним, что космос берет начало в природе хаоса, и в первом сохраняются потенции второго. «Дитем» брака хаоса и космоса становится свобода. В свободе существуют и темная, хаотичная-греховная природа, и светлая, космически-гармоничная. Первая заземляет человека, поощряя на великое количество злодеяний – войну, революции. При этом Бердяев не отрицает правду последних. Космически-гармоничная природа направляет к Божьему свету. Если свобода имеет направ-

* Оговоримся, что неравенство на этом этапе очищено от идеологической шелухи и означает простую разность.

ление, она обращается великим благом. Человек наделяется мистической природой, становясь, собственно, человеком – свободной, творческой индивидуальностью, укротившей и грех, и гармонию. Допущением свободы Бог проявляет любовь к человеку, свою надежду на него. «Не человек требует от Бога свободы, а Бог требует от человека свободы и в этой свободе видит достоинство богоподобия человека» [Бердяев 2007]. Таким образом, свобода есть основа личности. Но раскрученная до предела свобода, потерявшая свою гармонию, выходит из Божественного и обращается хаосом.

Диалектика свободы как источника и блага, и раздора становится основополагающей для социальной философии Бердяева. Каждая категория бытия относится им к одному из двух царств – царству Божественного или царству природы, необходимости. Истина, гармония – это Божественное, грех, хаос – природное. При этом не стоит забывать, что мысль Бердяева предельно текуча и противоречива, а потому категории бывают смешаны, одной стороной находясь в горнем, а другой – в мирском. Возьмем идею иерархии в ее частности. Она поддерживает стройность человеческой общины и этим прочно укрепилась в Божественном плане. Но злоупотребление ее возможностями приводит к страданиям, насилию и злу, а это, безусловно, атрибуты мирского, природного. Главным связующим звеном этой диалектики, образующим мостик между мирским и горним, становится русская идея правды. Правда есть синтез истины и справедливости, по меткому замечанию Н. К. Михайловского. И именно в согласии с ней «оправдываются» мирские дела и категории, утверждаясь в Божественном плане. Стоит заметить, что в социальных трудах Н. А. Бердяева правда принимает несколько обликов, в том числе возникает правда «историческая» и правда «личная». Первую философ во многом ставит над последней.

Антонимичен правде грех; именно через него преломляется Божественный свет, нисходя на землю. Человека изгнали из райского сада, из царства духа. С этого момента греховность стала неотъемлемой частью человеческой природы, одарив мир феноме-

ном зла. Но с помощью греха же, расколовшего мир на Божье и земное, человек приобрел свободу. Таким образом, познание человеком греха породило абсолютную свободу – и вольность, и возможность зла. А эти два начала есть не что иное, как потенции хаоса. Итак, с помощью греха человек познает хаос. Грех становится его частью. Уже не будучи в силах полностью отвергнуть, человек, тем не менее, борется с хаосом. Точнее, борется с самим собой – с тем черным, безумным варваром, который сидит внутри каждого из нас. И снова эта борьба неизбежно влечет за собой диалектику: и мирское зло – насилие, ненависть, и горную правду – дисциплинированность, иерархичность.

Союз хаотики и гармонии свободы, невозможных друг без друга, позволяет человеку сомкнуть Божье и земное посредством творчества. Именно очищающую идею творчества искал ранний Бердяев, «нащупывая» ее категориями свободы. Возможностью творчества философ клянет необходимость: «...Творческий акт всегда есть освобождение и преодоление. В нем есть переживание силы. Обнаружение своего творческого акта не есть крик боли, пассивного страдания, не есть лирическое излияние. Ужас, боль, расслабленность, гибель должны быть побеждены творчеством. Творчество по существу есть выход, исход, победа», – напишет философ во Введении к своему программному труду «Смысл творчества» [Бердяев 1989]. В возможности творчества он видел и теодицею, и антроподицею; творчеством человек продолжает Божье дело по совершению мировой судьбы. Творчество рождало в себе Богочеловечество, третий путь, преодоление тяжелой необходимости.

Итак, вся бердяевская мысль плавает среди диалектических категорий: хаос – космос, свобода – иерархия, правда – грех. Обрамляет же и тем самым дает исход (незавершенность, возможность нового выхода очень важны для Бердяева) его метафизике идея эсхатологии. Она играет роль некоей тревожности, не допускающей пустых абстракций. Бердяев верит в неизбежный конец мироздания и выводит из него многочисленные смыслы. В первую очередь он опровергает теорию прогресса, отстаивающую возможность воз-

никновения высшей, завершенной цивилизации наподобие античного полиса. Новое общество невозможно, так как смысл истории не в постоянном самосовершенствовании человека, а в его конечности. Человек в отдельности и человечество в целом только тем и оправдывается, что неизбежно стремится к своей кончине. Не стоит искать здесь пессимистичных, декадентских настроений. Под концом времен Бердяев понимает не точку, но тире, новый творческий порыв, рождение Богочеловечества. Апокалипсис вырывает человека из дурной бесконечности бытия, устраняет злосчастный дуализм мирского и горнего. Иначе – невозможно, иначе мир и жизнь теряют смыслонаполненность, онтологичность. Бердяев не верит в справедливость светского, безбожного человека; мирное, счастливое существование общества, как он считает, невероятно.

Эту мысль философ подчеркивает другим выводом из идеи эсхатологии. Человек – это не сиюминутное явление, не настоящее состояние общества и народа. Человек – это не только история конкретной личности, но и история ее отцов, детей. Правом на счастье и утверждение в бытии обладают все люди, независимо от их расположенности во временном континууме. Идеи же прогресса отвергают это право как у народа нынешнего, так и канувшего в Лету – идеальное мироустройство возможно только в далеком будущем. Наша цель – лишь заложить фундамент нового мира, пусть и на своих костях, переломанных «прогрессивными» идеями. Бердяев не скрывает, что под прогрессом в такой плоскости размышления он подразумевает в первую очередь коммунизм, отвергающий сиюминутные счастье и свободу народа ради грядущего рая на земле. Другая сторона прогресса – это прогресс капиталистический, либеральный, выражающийся в лживом компромиссе с историей.

В целом эсхатология Бердяева в самом широком понимании – это смысл истории как отдельного человека, так и людского сообщества в целом. И роль государства – помочь всякому человеку реализовать этот смысл не в иллюзорной «новой жизни», а в его личной, здесь и сейчас. Трактую по богословской традиции, госу-

дарство обязано быть устроено так, чтобы человеку был дан шанс на спасение.

Заканчивая разговор об общих принципах мышления Н. А. Бердяева, стоит остановиться на том, за что его критикуют. Сам философ был убежден, что его творчество понимают слишком поверхностно. И он был прав: критикам Бердяева свойственно, к сожалению, подходить к его работам со своим мерилom однозначности, завершенности. Таким образом они обнаруживают лишь оболочку мысли, не чувствуя интуиции, духа философа. Слишком часто критикуют его за непоследовательность, не понимая полифонической сути его учений. «Бердяев поражает позитивизм, рационализм и другие враждебные ему течения не в их корне, а по тем результатам, к которым они приводят <...> на каком же основании отвергает он тогда нелюбимые доктрины по тем же логическим последствиям, к которым приводят основные предпосылки. Если Бердяев отвергает логику для своего большого разума, то он должен отвергнуть ее до конца...» – пишет С. Лурье в статье, посвященной книге «Новое религиозное сознание и общественность» [Лурье 1999]. Но в той же самой книге Бердяев пишет: «Разум, взятый в его сверх-рациональности и органичности, не убивает силы первожданной стихии, не умерщвляет древний хаос, а лишь направляет к свету, осмысливает и гармонизирует <...> без Разума, формирующего хаос, нет смысла жизни и цели бытия, нет надежды на достижение вселенской гармонии и красоты» [Бердяев 1998: 44]. Не отвергает Бердяев разума, не лишает его законных прав, но лишь отыскивает его место в Божественной гармонии. Усиленно подчеркиваем, что во всем философ способен узреть правду, и это самое светлое, освежающее свойство его мысли. Признать за всяким правду, всякому отвести свое место и творить, творить, созидая Божье мироздание! В этом весь пафос философии Н. А. Бердяева.

Природа государства

«Государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад», – цитирует Бердяев Вл. Соловьева [Его же 2009: 76].

«Но ошибочно было бы видеть в государстве необходимый минимум, необходимое зло, наименьшее зло для греховного человечества, которое отменяется, когда человечество подымается на более высокую ступень», – добавляет он, расширяя наше видение государства [Бердяев 2009: 95].

Объединив два высказывания, сделаем следующие выводы. Государство: а) не рай; б) не необходимое зло; в) опора, мешающая человечеству скатиться в ад; г) непреходящее явление, «которое отменяется, когда человечество подымается на более высокую ступень». Таким образом, государство не есть определенно горнее (не рай) или определенно мирское (не зло) явление, а нечто между ними. В то же время государство – некий базис, от которого человечество отталкивается по пути к высшей жизни. Базис, в отличие от строительных лесов, не отпадает сам собой по мере достижения высшей цели. Значит, государство-базис несет в себе неотъемлемый смысл. Пусть это и не прямой способ попадания человека в рай, но определенно способствующий тому. Таким видит Бердяев идеал государства – всячески поддерживающим человека на пути к вечному.

В то же время государство не просто грубо отделяет человечество от падения. Это, по существу, бесполезно, ведь каждый индивид так или иначе затронут хаосом с рождения, посредством первородного греха. Миссия всякого государства – не отделить человека и хаос друг от друга, а наладить диалог между ними. В этом его нравственный смысл, поддерживаемый людским сообществом на протяжении веков. Государство охраняет личность от самой себя, от тех мрачных стихий, что кроются в глубинах. Эти стихии особенно видны в темной части населения, в народе – духовные движения мужика охватывают все полюса бытия, не желая разбирать зла и добра. И государство призвано скорее не ограничить порыв духа, но дать ему направление. «Государство, как действительное историческое воплощение людской солидарности, есть реальное условие общечеловеческого дела, то есть осуществления добра в мире» [Соловьев 1999].

Осуществление же «добра в мире», Божьей правды, по Бердяеву, возможно лишь посредством творчества. Творя, личность совершает судьбу мира. И государство оправдано, пока не посягает на творческую, единственно истинную свободу личности, с одной стороны, и пока не восславляет личность – с другой. Первое ведет к деспотизму, второе – к культу человекобога. Тотальность может быть присуща лишь Божественному. Государство же в иерархии бытия – реальность, не сопряженная с Божественным планом, но подвластная ему. А личность, по Бердяеву, – это реальность иного, высшего порядка. Она ближе к Богу, и ей может и должна быть присуща тотальность, но лишь в рамках самой себя. Пословица «Свобода моего кулака ограничена кончиком чужого носа» иллюстрирует как раз эту идею частичности личностной свободы. Но тем не менее только в такой свободе Бердяев видит истину, и только такую он признает. Да, государство как гарант неприкосновенности «кончика чужого носа» претендует на частицу внешней жизни личности. Но взамен оно освобождает от рабства хаоса, «безначальства». Государство призвано давать *начало* человеческой жизни, формировать его *интенцию*. В этом его правда. Однако зачастую государство посягает на большее – на духовную жизнь, истинную свободу человека, причем посягает тоталитарно. Не дает направление, но вкладывает дух человека в прокрустово ложе идеологии. И тогда из несоответствия этих двух начал – государства и личности – возникают социальные конфликты.

Г. П. Федотов заметил, что соблазн Бердяева – признать разумность истории *en bloc*, заставив личность перед ней преклониться [Федотов 1991: 437–446]. Слишком часто и слишком туманно оправдывает философ жестокость империализма, огнем и мечом совершающего свою историческую миссию на земле. Здесь ценность личности переходит в серую зону. По Бердяеву, из раскола первородного греха рождается противостояние, борьба. Конечные цели такой борьбы не всегда ясны, но она способна очистить человека от скопившейся скверны, от неверных направлений. Пламя войны несет свою правду. Обостряется интуитивность, мистическое чувство личности. Человечество в целом и народы в отдельно-

сти переходят от статики к динамике, очень важной категории для Бердяева. И войну он понимает в динамике, в тех откровениях, которые она зачинает. Среди них – возможность переосмысления. Война служит оккамовой бритвой для народов и людей, отсекающей буржуазное довольство, заставляющей искать новых истин. По сути, война, политика империализма для Бердяева – то же творчество, расширение Божественного плана, но в историческом масштабе. В этой связи В. А. Кувакин пишет: «Империализм, – по Бердяеву, – есть неизбежная и творчески-прогрессивная тенденция к универсализации...» [Кувакин 1980: 150].

В конечном итоге неизбежно рождаются вопросы власти – как она распределена, кто берет ее в руки и какими полномочиями он должен быть наделен.

Власть как привилегия аристократии

Власть – одна из центральных проблем социальной философии Н. А. Бердяева. В ее вопросе лоб в лоб сталкиваются сразу несколько аспектов личности философа: Бердяев-гуманист и Бердяев-аристократ, Бердяев-правдолюб и Бердяев-ханжа, наконец, Бердяев-социалист и Бердяев-консерватор. Окончательно разрешить этот внутриличностный конфликт философу было не под силу, и от абзаца к абзацу, от книги к книге он делает оговорки. Постараемся их избежать и наиболее гармонично отобразить отношение мыслителя к природе власти, насилия и подчинения.

Природа власти – извечна. Ее миссия имеет корни в прошлом, но устремлена в будущее или, точнее, в вечность. Власть не есть врожденная привилегия народа или отдельного человека, власть космична, вневременна. В ней лежат истоки государства, и задачи их смежны – дать людям направление к истине с помощью воспитания и иерархии. И властитель обязан первым осознавать свое место в иерархии, быть подвержен железной дисциплине, направляющей к истине. Власть есть большое искушение и большой труд. Но тем не менее каждый желает власти. И это желание – одно из самых могучих начал человеческой греховной природы. Его трудно подчинить разуму, оно существует на уровне инстинктов. Вокруг

власти образуется несокрушимый культ. Сакральность в данном случае составляют отношения властвования и подчинения, которые основываются лишь на вере, но не на рациональности. Это вера людей, в том числе и самого властителя, в то, что власть имущий способен защитить и обеспечить гармоничное существование, открывающее путь к вечности.

Бердяев берет за аксиому такое понимание власти, где она возможна лишь в руках ограниченного круга лиц. То есть власть не может быть напрямую в руках народа. Народная воля же лишь интерпретируется, подводится под категории власть имущими. И поэтому проблема власти – в ее субъекте.

«В сущности, – пишет в этой связи Н. А. Бердяев [2009: 148], – только и существуют два типа власти – аристократия и охлократия, правление лучших и правление худших». Мышление философа называли «социальным аристократизмом». На деле Бердяев не декларирует ничего крамольного. Бразды правления должны взять лучшие, благороднейшие, приблизившиеся к истине. Этим и ограничивается весь аристократический пафос Бердяева. Более того, «демократия может быть понята как установление условий, благоприятных для качественного подбора, для выделения аристократии. При этом целью может быть отыскание реальной, а не формальной аристократии, то есть отстранение той аристократии, которая не является царством лучших, и раскрытие свободных путей для истинной аристократии. <...> И тогда в мужике могут быть черты настоящего аристократизма, который никогда не завидует, могут быть иерархические черты своей собственной породы, от Бога предназначенной» [Там же: 147–150]. Аристократия для Бердяева не политический строй, не идея переустройства общества, но вера в идею, вера в человека. Вера в то, что у власти должны находиться лучшие, которым народ подчинится не механически, но органично, по собственной воле.

Как найти, отобрать, подготовить лучших – вопрос уже не метафизический. Эта проблема находится в ведении управленческой науки, и на пути ее рационального решения сделано многое. Бердяев же не отказывал разуму в его правах и возможностях. Он лишь при-

зывает верить в наличие высшего смысла, а не ограничиваться позитивистским культивированием инструментария, «малого разума».

Свобода и равенство. Развенчание идолов

«Насколько постоянными были социалистические симпатии Бердяева, настолько текучи и неустойчивы его политические взгляды. Безусловно для него одно: защита личности и ее свободы – и то лишь высших проявлений их: мысли, совести, слова» [Федотов 1994: 437–446].

Предельно изменчивые социалистические воззрения Бердяева – вопрос для отдельной статьи. Ограничимся его отношением к идеям либерализма и демократии. Столпом бердяевского мировоззрения является свобода. Возможностью свободы оправдывается и Бог (так как он ее позволяет), и человек (так как с ее помощью он творит окружение). Свобода есть то, чем наш мир так прекрасен, то, что не дает ему упасть в бездну небытия. И тем не менее свобода у Бердяева действительно своя, особая. Возможна она, как верно указал Г. П. Федотов, лишь в высших проявлениях, остальное – вопросы дискуссионные.

Воплощать идеалы свободы призван либерализм. Сторонники этой идеологии признают права и свободы человека высшей ценностью общественного строя. Казалось бы, такая точка зрения сходится в унисон с философией свободы Н. А. Бердяева. Но оказывается, что философ активно критиковал идеологию либерализма и многим его положениям противопоставлял собственные взгляды. Противоречил ли Бердяев самому себе? Ничуть. Дело в его особом взгляде как на истинную свободу, так и на природу «либеральности».

«Правда либерализма – формальная правда. Она ничего не говорит ни положительного, ни отрицательного о содержании жизни, она хотела бы гарантировать любое содержание жизни», – пишет философ [Бердяев 2009: 169]. Либерализм не имеет внятных воззрений. Это делает его гибким, равнодоступным, но и отстраненным, формальным. Либерализм акцентирует внимание лишь на тех правах и свободах, которые угодны времени. В этом смысле либе-

рализм – лишь рефлекс социальной среды. В нем нет конкретики, направленности, он весь – компромисс, оппортунизм. За отсутствие онтологии, религиозного жара и критикует либерализм Бердяев. Либерализм может развиваться, перерастать в крайность (что можно наблюдать в настоящее время), но суть его остается той же. Он – фикция, идеал без оснований. Его узконаправленность в некотором смысле есть обратная сторона тоталитаризма.

Казалось бы, либерализм максимально далек от тоталитаризма. «Либеральная идеология... проникнута верой в естественную гармонию свободы и равенства» [Бердяев 2009: 177]. Равенство является таким же важным свойством либерализма, как и свобода. Однако Бердяев видит в их синтезе явное противоречие, ведь эти понятия исключают друг друга. Равенство может быть лишь несвободным, так же как и свобода – прежде всего право на неравенство. Вспомним метафизику: переход хаоса к космосу есть возникновение неравенства бытия в равенстве небытия. Свобода воплощенная, конкретная, полагает некоторое положение свободного элемента относительно других. Его место и он сам не равнозначны другим, его положение в системе координат индивидуально. Таким образом, свобода есть право отличаться от других. «Свобода есть прежде всего право на неравенство» [Там же: 178]. А абсолютная, равная свобода – фикция, мыльный пузырь.

Деконструируя таким образом либерализм, Бердяев указывает на главный его грех. Либерализм – вечное дитя эпохи, он поверхностен и относителен. Либерализм не познал ни грубой материальности мира, ни его ограниченности. Он не умеет быть трансцендентным, но не способен быть имманентным, не может претендовать на абсолютную идею, утверждающую человеческое бытие. «Все пороки и слабости либерализма связаны с тем, что он весь еще пребывает в формальной свободе ветхого Адама» [Там же: 189] – в свободе первого человека, не познавшего еще настоящей внутренней свободы. Свобода же, исповедуемая Бердяевым, экзистенциальна, интровертна. Он опирается на личный опыт, на свои переживания. Реальный, физический мир интересует Бердяева постольку, поскольку может быть «пережит», пропущен через созна-

ние. В свою очередь мистический союз реальности и сознания рождает идеи, суть которых – право человека на творчество. Творить может каждый индивид, независимо от социального или иного положения. Как мы помним, творчество – это тот глубокий смысл, который оправдывает человека перед Богом. Творчество есть антроподицея. Равное и разумное (и в «малом разуме», человеческом рацио видит Бердяев правду!) право на творчество и есть истинная свобода по Бердяеву.

При этом творчество философ понимает в абсолютном, широком смысле – как дерзновенный рывок от мирского к Божественному. Это может быть и очевидная приверженность искусствам, науке, и социально-политические проекты, призванные повернуть мир к Благу, истине, неисповедимым путем продолжить план Божий. Творчество, таким образом, есть то, что заставляет человека жить, есть сама жизнь. Доступ к жизни-творчеству провозглашает Бердяев, и на этом начинается его демократизм, но этим же и ограничивается.

Демократия лжива для Бердяева прежде всего своей методологией. Система выборов – инструмент, искажающий самые основания понятия «народной воли». Референдумы, по Бердяеву, умаляют личность. Многообразная сущность человека сводится до списка с несколькими вариантами ответов. В этом процессе личность становится «математической точкой» – вещью без смысла, но с предустановленным значением. В демократической идее личность – не более чем переменная.

Демократия – выражение духа количества. «Народ не есть человеческое количество, человеческая масса... Демократическое равенство есть потеря способности различать качества духовной жизни». Философ воспринимает жизнь *качественно*. Потому и ведутся им размышления о человеке как о «математической точке», сведенной к одному качеству, но зато причисляемой к энному количеству (социальной группе, проценту проголосовавших и т. п.). «Она (демократия) перестала верить в то, что человеческое общество имеет и сверхземную цель», – пишет Бердяев [2009: 213]. И это, пожалуй, главный ее порок. Ведь «сверхземная цель», достижение смысла бытия не может быть выражено в процентах, ин-

дикаторах и показателях. Это есть то, что движет всем человечеством, но в то же время эта цель выражена индивидуально для каждого. Потому абсолютная демократия несостоятельна как идеология, так как она уравнивает всех и каждого, без определения цели и смысла человечества. И даже больше – без попытки этот смысл отыскать. Демократия есть отчаяние и компромисс. Она рождает небытие.

Компромиссность демократии выражается и в том, что в определенном смысле она – идеология момента. При удачной реализации демократия чувствительна ко времени, гибко подстраиваясь под настроения общества. Но в ней нет общего направляющего стержня. Поэтому она моментальна. Сегодня нечто называют демократичным, завтра – консервативным, не отвечающим духу времени. В отдельных утилитарных моментах такая направленность может оправдать себя, уверен Бердяев, но в качестве идеологии, в качестве слияния душ, соловьевской «соборности» – никогда. Ограниченность, временность демократии определяется и ее отношением к народу. По Бердяеву, народ демократический – лишь ныне живущие, социально активные индивиды, тогда как истинное значение понятия «народ» – в единении поколений посредством канонов, традиций и веры. Этот глубокий смысл народа и народности демократия умалчивает, обходит стороной. Потому демократия и не может остаться в вечности, ибо она неорганична, фрагментарна. Она суживает восприятия человека. Демократический народ не понимает, насколько же тесно вплетена жизнь отцов в его собственную и насколько они неразличимы.

«В народном суверенитете погибает народ, он тонет в механическом количестве и не находит выражения для своего органического духа, целостного и неделимого... В народном суверенитете погибает и человек. Ибо самодержавие народа не ограничивает себя неотъемлемыми правами человека и не гарантирует их» [Бердяев 2009: 198].

Заключение

Переменчивость мысли Бердяева требует переосмысления. Он был способен углядеть сотни правд, отголоски Божьей искры в лю-

бом явлении, даже самом противном его натуре. Из них он впоследствии складывал чудную, переливчатую мозаику единой и динамичной истины.

То же и с государством. Его он то клял, ненавидел, то признавал последней скрепой, защищающей человечество от низвержения. Истинные его взгляды стоит постараться отыскать посередине. Государство защищает человека от греха, направляет его. Государство дает ему возможность и волю быть творцом, утверждающим себя перед Богом. Поэтому государство обязано обеспечить духовную волю человека (способность творить), пусть и претендуя на внешнюю. В этом смысле государство – проводник между земным и Божественным. «Все исторические и психологические данные говорят за то, что русская интеллигенция может перейти к новому сознанию лишь на почве синтеза знания и веры, синтеза, удовлетворяющего положительно ценную потребность интеллигенции в органическом соединении теории и практики, “правды-истины” и “правды-справедливости”», – напишет Бердяев [1991б: 24], понимая под интеллигенцией ту самую «духовную» аристократию, понятия же «знание» и «справедливость» соотнося с мирским, а значит, и с государством.

Но последнее слово остается за человеком. Богом положено право человека на свободу. И эта свобода должна быть реализована. Ни государство, ни общество не встанет на пути у человеческого духа, если только он волеется в поток Божественной истины. Остальному, земному, остается лишь соизмеряться с этой истиной.

Литература

Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990.

Бердяев Н. А. Самопознание. М. : Книга, 1991а.

Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины / сост. А. А. Яковлев. М. : Правда, 1991б.

Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М. : Канон+, 1998.

Бердяев Н. Судьба России (Сборник статей, 1914–1917). М. : Эксмо, 2007.

Бердяев Н. А. Философия неравенства. М. : АСТ, 2009.

Кувакин В. А. Религиозная философия в России (начало XX века). М. : Мысль, 1980.

Лурье С. В. Религиозная мистика и философия / Н. А. Бердяев // Новое религиозное сознание и общественность / ред. и сост. В. В. Сапов и др. М. : Канон+, 1999. С. 293–313.

Соловьев В. С. Значение государства / В. С. Соловьев // Спор о справедливости. М.; Харьков, 1999. С. 849–860.

Ставров П. С. Вечера в Кламаре / П. С. Ставров // На взмахе крыла. Одесса : Изд-во ВМВ, 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://fanread.ru/book/9883120/?page=1>.

Федотов Г. П. Бердяев-мыслитель // Н. А. Бердяев: pro et contra. Антология / сост. А. А. Ермичев. Кн. 1. СПб. : РХГИ, 1994. С. 437–446.

Шестов Л. Николай Бердяев. Гнозис и экзистенциальная философия // Н. А. Бердяев: pro et contra. Антология / сост. А. А. Ермичев. Кн. 1. СПб. : РХГИ, 1994. С. 411–436.